

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ЖАНРОВ: ДИАЛЕКТИКА ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ

ББК 83.3(2)
УДК 82-14:82-6

А. В. Петров¹

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
alexpetrov72@mail.ru*

НОВОГОДНИЕ СТИХИ Ф. И. ТЮТЧЕВА

В статье посредством сравнительно-исторического и интертекстуального методов, а также метода исторической поэтики раскрываются связи между тремя новогодними стихотворениями великого русского поэта-романтика Ф. И. Тютчева и традициями русской поэзии XVIII века (Г. Р. Державин, А. Н. Радищев, С. С. Бобров). Первое новогоднее произведение Тютчева «На новый 1816 год» прямо ориентировано на литературу предшествующего столетия и строится на смешении «общих мест» «высокой поэзии» (восход солнца, урна роковая, смена лет, обличение вельможи и др.). Второе стихотворение «На новый 1855 год» относится к политической поэзии Тютчева, вбирает в себя историософские и духовидческие мотивы. Первые узнаваемо отсылают к знаменитой историософской оде А. Н. Радищева «Осмнадцатое столетие». Вторые явно отзываются чтением Боброва, отражая также и увлечение Тютчева спиритизмом. Примечательно использование им эмблематической образности, характерной для литературы XVIII в. (колыбель, чело, ангел, меч, коса и др.). Романтические «поправки» к предромантическому решению тем будущего и Судьбы заключаются в отказе заглянуть за «покров» неведомого. В третьем новогоднем стихотворении – четверостишии «С новым годом, с новым счастьем...» – Тютчев продолжает традиции «игровой» поэзии литературных (сентименталистских) салонов рубежа XVIII–XIX вв. Это типичная светская «безделка» – трогательное поздравление женщине (Э. Ф. Тютчевой) «от лица» домашнего питомца

¹ Петров Алексей Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

– собаки по кличке Ромп. В новогоднем экспромте Тютчева оказываются спрессованы типично сентименталистские ценности и соответствующие им «общие места»: преданность и любовь близких, чувствительность, семейное счастье.

Ключевые слова: Ф. И. Тютчев, новогодняя (эоническая) поэзия, традиции литературы XVIII века, топос, историческая поэтика, компаративистика, стихи «на случай»

К тому времени, когда Федор Иванович Тютчев (1803–1873) вошел в русскую поэзию, стихи «на Новый год» встречались в ней нечасто. Довольно популярные в XVIII столетии, они и в XIX веке появлялись, как правило, у поэтов, сохранявших преемственные связи с эпохой Ломоносова–Державина. Тютчев был внимательным читателем поэтов XVIII века. Свой творческий путь он начал с подражаний камерной лирике сентиментализма и высокой поэзии классицизма, а также с переводов Горация. Пробы пера юного Тютчева в 1810-е гг. поощрялись его домашним учителем С. Е. Раичем, большим поклонником классических авторов. Первое из сохранившихся оригинальных стихотворений Тютчева – поздравление с днем рождения «Любезному папеньке» (1813–1814). Взлелеянный сентиментализмом культ семьи и сердечных чувств проявляется здесь в полной мере и, как увидим дальше, окажется значимым и для позднего Тютчева. Во втором – новогоднем – стихотворении 12-летний мальчик захотел почувствовать себя «витисей», явно имея образцом Г. Р. Державина, своего старшего современника.

Стихи «*На новый 1816 год*» (нач. 1816) [10, 45–46] являются, вероятнее всего, классным упражнением, заданным Раичем: педагогические традиции и архаические вкусы преподавателей Университетского пансиона были весьма устойчивы. Поэзию XVIII в. его ученик воспринимает обобщенно – как образ, не разделяя, в частности, *одическую* (празднично-поздравительную), *философскую* (нравственно-религиозную) и *сатирическую* жанровые линии. Примеры такого смешения давал именно Державин, но если для него оно было органичным, то Тютчев, по всей видимости, получил задание симитировать «высокий» слог, создать «высокое», «в духе» XVIII века, стихотворение. Делает он это единственно возможным для подражателей и начинающих поэтов способом – собирая «общие места». Заимствованы они были прежде всего у Державина и С. С. Боброва [см. 5; 7], и не из одних только новогодних произведений.

Важнейший для эонической лирики топос *смены лет*

визуализирован Тютчевым в обязательной (после од 1760-х гг. Ломоносова и его учеников) пейзажной картине – *восхода солнца* [см. 5, 93–123]:

Уже великое небесное светило,
Лиюще с высоты обилие и свет,
Начертанным путем годичный круг свершило
И в ново поприще в величии грядет!

Затем «младый сын Солнца», «одеянный блистательной зарею», спускается с «эфирных стран», неся с собой привычную (после стихотворений Боброва) *«урну роковую»*. Старый год, как полагается, *«погружается в вечность»*, а юный поэт осваивает древнюю, но всегда новую мудрость, особенно любимую масонскими авторами:

Сей год равно пройдет!.. Устав небес священ...
О Время! Вечности подвижное зеркало! –
Все рушится, падет под дланию твоей!..
Сокрыт предел твой и начало
От слабых смертного очей!..

Далее с мудростью, неожиданной, в общем, для отрока, Тютчев рассуждает о рождении и смене столетий и о «руинах», в кои превращаются царства от «гнева Крона злого».

Исчерпав одну тему, он переходит к другой, по-ученически повторяя путь поэтической мысли Державина в его посланиях князю Мещерскому и двум соседям, а также Боброва в стихотворении «К русскому Лукуллу на тот же случай»:

А ты, сын роскоши! о смертный сладострастный,
Беспечна жизнь твоя средь праздности и нег
Спокойно катится!.. Но ты забыл, несчастный:
Мы все должны узреть Коцита грозный брег!..

Чем разгневал Тютчева или Раича жадный и жестокосердый «вельможа» (вполне, кажется, условный), неизвестно, но для его устрашения и описания мучений, ему предстоящих, красок было положено немало. Тут и Тартар, и Евмениды, и «секира изощренна», и изъязвленная плоть, и «растерзанные члены», и «жупел раскаленный», и «вечный вопль», и даже «кровавы тени с улыбкой злобною» (пришедшие едва ли не из жанра баллады), и, наконец, полное забвение злодея после его смерти!

Как считают комментаторы (Г. Чулков и А. Гуревич), именно за новогоднюю оду Тютчев был удостоен в 1818 г. звания «сотрудника» Общества любителей российской словесности. Показательный образчик эстетических вкусов эпохи! В то же время трудно переоценить

роль традиций литературы XVIII века в становлении и развитии гениального русского поэта-романтика и его стиля. Эти традиции останутся для Тютчева художественно актуальными и через сорок лет в другом, вполне оригинальном эпитимийном стихотворении – и однако, тоже о злодее, возмездии и Судьбе.

Современники и позднейшие исследователи (Н. Оцуп, А. Лежнев, Ю. Лотман) отмечали высокие художественные достоинства стихов «*На новый 1855 год*» («*Стоим мы слепо пред Судьбою...*») (конец 1854 или начало 1855) [10, 189] – одного из самых удачных опытов политической лирики Тютчева. Сложившаяся в 1854 г. военно-политическая ситуация не позволяла России надеяться на быстрое и успешное завершение Крымской войны.

Еще нам далеко до цели,
Гроза ревет, гроза растет, –
И вот – в железной колыбели,
В громах родится Новый год... –

так – в звуках войны и в обращении к пророческим интонациям – воспринимает Тютчев предстоящие события.

Одический топос *подведения военных итогов (успехов) уходящего года* здесь ни исторически, ни художественно не подходил. Как и многие поэты эпохи романтизма (Ф. Н. Глинка, В. К. Кюхельбекер, А. В. Кольцов) [см. 3; 4; 8], Тютчев пытается разглядеть будущее, но, как и для них, оно для него закрыто:

Стоим мы слепо пред Судьбою,
Не нам сорвать с нее покров...

Вековая поэтическая традиция предлагала в этом случае либо положиться на Божью волю, либо угадать ее. Тютчев выбирает некий межумочный вариант, соединяющий профетизм (а пророк, как известно, изрекает Божественное слово) и суеверия:

Я не *свое* тебе открою <*курсив Тютчева. – А. П.*>,
Но бред пророческий духов...

Комментаторы этих строк указывают на серьезное увлечение Тютчева тех лет спиритизмом, «столоверчением». При этом духовидец – создатель новогодних стихов – в русской литературе уже был. Каких-то бесспорных перекличек между эпитимийными стихотворениями Боброва и стихами Тютчева «на 1855 год» нет. Правда, у обоих поэтов Новый год воплощает в себе роковое начало, подвигает их к духовидческим опытам, вызывает на размышления далеко не праздничные. Однако для исследователя исторической поэтики важнее то, что для Тютчева живым и актуальным остается

тот же художественный язык, что за пятьдесят лет до того реанимировал Бобров. Ю. М. Лотман уже обращал внимание на эмблематическую образность произведений Тютчева и стихов «на 1855 год» в частности [2, 562–563]. Довольно подробно исследователь рассмотрел образы «двух мечей» из пятой строфы. Однако тютчевский текст требует более подробных сравнительно-исторических комментариев.

Начну с портрета новорожденного года:
Черты его ужасно-строги,
Кровь на руках и на челе...
Но не одни войны тревоги
Несет он миру на земле!

С одной стороны, это требуемое жанром «общее место», с другой – наполнение его кажется у Тютчева оригинальным. И однако описание рождающегося в громах, в «железной колыбели» Нового года, чьи руки и чело в крови, настолько напоминает хрестоматийные строки:

Крови – в твоей колыбели, припевание – громы сраженьев,
Ах, омоченно в крови ты ниспадаешь во гроб, –

что сомнений быть не может: А. Н. Радищев как создатель знаменитой оды «на новостолетие» присутствовал в памяти Тютчева, создателя стихов «на новолетие» [см. 6]. Образ «колыбели» есть также в эонических стихах Боброва «На новый год ко вступающему в путь жизни и подвига»; у него же в новогоднем послании другу П. Икосову встречаем образ «железное чело зимы» [см. 7].

Теперь о «двух мечах» и их «носителе»:
Не просто будет он воитель,
Но исполнитель божьих кар, –
Он совершит, как поздний мститель,
Давно обдуманый удар...

Для битв он послан и расправы,
С собой несет он два меча:
Один – сражений меч кровавый,
Другой – секиру палача.

С точки зрения генетической тютчевский образ Нового года возникает в скрещенье античной и библейской традиций. С одной стороны, такие характеристики, как «воитель», «исполнитель божьих кар», посланный для битв и расправ, и такой его атрибут, как «меч», указывают на архангела Михаила и на ангелов Апокалипсиса. Образ архангела, например, был использован в эонических стихах

Державиным и Кюхельбекером (см.: [4]; [5, 152–156]). С другой стороны, описание первого меча – «сражений меч кровавый» – следует связать с образами римских богов войны – Марса и Беллоны – и, следовательно, с батальной одой XVIII в.

В контексте поэтической традиции образ Нового года у Тютчева более всего напоминает соответствующих «персонажей» Боброва. В его стихах Год/Время был наделен стальной косой (атрибутом божества Смерти) и железными стрелами. Была на этой косе и «кровь смертных». Имелся у Боброва и образ секиры, той самой, которая «при корени». Общий смысл 3–5-й строф из тютчевского стихотворения имеет немало соответствий в 4–5-й строфах бобровского «Первый час года. К другу И...». По настроению и суггестивности образов с тютчевскими стихами созвучны бобровские «На новый год ко вступающему в путь жизни и подвига». Только с Бобровым Тютчев может сравниться и нагнетанием «ужасного», и склонностью к профетизму [см. 7; 9].

Итак, Тютчев-духовидец узрел страшный лик наступающего года; неведомым осталось лишь предназначение «секиры палача»:

Но для кого?.. Одна ли выя,
Народ ли целый обречен?..
Слова неясны роковые,
И смутен замогильный сон...

Если у поэта предромантической эпохи *Время* косило стальной косой всех без разбора и можно было лишь умолять богов о том, чтобы в новом году «фиал горечи» не был выпит и «железная стрела» миновала, то поэт середины XIX в., романтик по творческим принципам и трезво мыслящий политик по призванию, «роковые слова» не разобрал и видений из царства мертвых ясно не рассмотрел. А может быть, и «слова», и «сон» были слишком страшными, чтобы о них рассказывать... Тем не менее одно роковое предсказание Тютчева («одна ли выя») сбылось: 18 февраля (по ст. ст.) 1855 г. неожиданно скончался император Николай I.

Третий и последний новогодний тютчевский текст также восходит к традиции литературы рубежа XVIII–XX вв. В первой половине XIX в. дань ей отдали довольно много поэтов [см.: 1], к 1870 же году, когда Тютчев написал свой новогодний экспромт «*С новым годом, с новым счастьем...*» [10, 270], эта традиция почти уже не прослеживается. Имею в виду шуточно-сатирические, «игровые» стихи на новолетие, которые вобрали в себя несколько генетически разнородных источников [см.: 5, 178–208]. Первый опирался на народную праздничную культуру и фольклорные жанры. Второй имел христианские корни. Третий восходил к тем текстам эпохи

Просвещения, в которых развивалась тема всеобщего неразумия, обмана и т. п. Четвертый был единоприроден с водевильно-фельетонной продукцией. Пятый, который меня и интересует, был связан с великосветской салонной культурой, а через нее – с анакреонтикой и «легкой поэзией».

Экспромт 1870 г. не просто типичная светская праздничная «безделка», но то, во что игровые сентименталистские стихи неизбежно должны были «выродиться», – трогательное поздравление женщине... от «лица» домашнего питомца:

С Новым годом, с новым счастьем,
С постоянною удачей –
Вот привет любви собачьей,
Ты прими его с участием.

Из комментариев тютчеведов мы узнаём, что четверостишие было выгравировано на серебряном салфеточном кольце с пробой 1870 г., имевшем форму собачьего ошейника и «поднесенном» Эрнестине Федоровне Тютчевой ее собакой по кличке Ромп.

В этой лаконичной «безделке» поэт, очевидно бессознательно, «отжал» «общие места» эонической и сентиментальной традиций. Узнаваем, конечно, тоpos *нового счастья*; в «постоянной удаче» угадывается, без сомнения, идея *«времены»*. В третьей и четвертой строках находим характерно сентименталистские ценности, такие как *преданность*, *любовь* («любовь собачья», кроме того, легко претворяется в метафору) и *чувствительность* («участье»). Вся сцена, главные участники которой – муж, жена, собака (возможно, и дети), прочитывается как «картина семейного счастья», «домашний праздник», «маленькие семейные радости», «трогательная любовь близких» и т. д.

Стихотворения такого рода, в каком написан тютчевский экспромт, наверняка, производились в XIX веке в большом количестве. Однако именно в силу своего «домашнего» характера, адресованности людям самого близкого, интимного круга они до нас не дошли либо сохранились в личных бумагах авторов или мемуарной литературе. Таков удел всякой маргинальной литературы, которая существует лишь усилиями дотошных исследователей и праздных интерпретаторов.

Литература

1. Абрамзон, Т. Е., Петров, А. В. Шуточные новогодние поздравления в русской поэзии первой половины XIX века / Т. Е. Абрамзон, А. В. Петров // Гуманитарно-педагогические исследования. – 2018. – Т. 2. – № 1. – С. 69–80.

2. Лотман, Ю. М. О поэтах и поэзии / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство–СПБ, 1996. – 848 с.
3. Петров, А. В. «На новый 1842-й год» А. В. Кольцова: опыт контекстного прочтения «последнего стихотворения» / А. В. Петров // *Libri Magistri*. – 2018. – Вып. 5. – С. 48–59.
4. Петров, А. В. Новогодние стихи В. К. Кюхельбекера: между царем, Богом и «пограничными ситуациями» / А. В. Петров // *Филология и культура*. – 2018. – № 2 (52). – С. 196–202.
5. Петров, А. В. Новогодняя поэзия в России: от Тредиаковского до Бенедиктова: Монография / А. В. Петров. – Магнитогорск: МаГУ, 2009. – 267 с.
6. Петров, А. В. «Осьмнадцатое столетие» А. Н. Радищева: исторические открытия просветительского сознания / А. В. Петров // *Филологические науки*. – 2004. – № 2. – С. 21–30.
7. Петров, А. В., Постникова, Е. Г. Послания «на Новый год» поэта-духовида С. С. Боброва / А. В. Петров, Е. Г. Постникова // *Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки*. – 2018. – Т. 20. – № 1. – С. 72–80.
8. Рудакова, С. В. Меж отчаянием и верой (об экзистенциальных и теодицейных мотивах в творчестве Е. А. Боратынского) / С. В. Рудакова // *Церковь и время*. – 2013. – № 3. – С. 205–220.
9. Рудакова, С. В. Мотив смерти в поэтическом мире Е. А. Боратынского / С. В. Рудакова // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2009. – № 34. – С. 91–95.
10. Тютчев, Ф. И. Полное собрание стихотворений / Ф. И. Тютчев. – Л.: Сов. писатель, 1987. – 448 с.

References

1. Abramzon, T. E., Petrov, A. V. Shutochnye novogodnie pozdravleniya v russkoj poezii pervoj poloviny XIX veka [Russian poetry of the first half of the XIX CENTURY: comic New Year's greetings] // *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and Pedagogical Research]. – 2018. – Т. 2. – № 1. – С. 69–80.
2. Lotman, Yu. M. O poetah i poezii [About poets and poetry]. – SPb.: *Iskusstvo–SPB*, 1996. – 848 s.
3. Petrov, A. V. «Na novyj 1842-j god» A. V. Kol'cova: opyt kontekstnogo prochteniya «poslednego stihotvoreniya» [A. V. Koltsov's «On New Year 1842»: an experience of the contextual reading of «The Last Poem»] // *Libri Magistri*. – 2018. – Vyp. 5. – S. 48–59.
4. Petrov, A. V. Novogodnie stihy V. K. Kyuhel'bekera: mezhdhu carem, Bogom i «pogranichnymi situacijami» [New Year's verses

of V. K. Kuchel'becker: between the Tsar, God and "Boundary Situations"] // *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture]. – 2018. – № 2 (52). – S. 196–202.

5. Petrov, A. V. *Novogodnyaya poeziya v Rossii: ot Trediakovskogo do Benediktova: Monografiya* [New Year's poetry in Russia: from Trediakovsky to Benediktov: Monograph]. – Magnitogorsk: MaGU, 2009. – 267 s.

6. Petrov, A. V. «Os'mnadcatoe stoletie» A. N. Radishcheva: istoricheskie otkrytiya prosvetitel'skogo soznaniya [A. N. Radishchev's «The 18th century»: historical discoveries of the enlightenment consciousness] // *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences]. – 2004. – № 2. – S. 21–30.

7. Petrov, A. V., Postnikova, E. G. *Poslaniya «na Novyj god» poeta-duhovidca S. S. Bobrova* [Poet-Visionist S. S. Bobrov and his letters on the New Year] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki* [Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences]. – 2018. – T. 20. – № 1. – S. 72–80.

8. Rudakova, S. V. *Mezh otchayaniem i veroj (ob ekzistencial'nyh i teodicejnyh motivah v tvorchestve E. A. Boratynskogo)* [Between despair and faith (about the motives of existence and theodicy in E. A. Boratynsky's poetry)] // *Cerkov' i vremya* [The Church and the Time]. – 2013. – № 3. – S. 205–220.

9. Rudakova, S. V. *Motiv smerti v poeticheskom mire E. A. Boratynskogo* [Motive of death in the poetic world of E. A. Boratynsky] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. – 2009. – № 34. – S. 91–95.

10. Tyutchev, F. I. *Polnoe sobranie stihotvorenij* [Full. Coll. poems]. – L.: Sov. pisatel', 1987. – 448 s.

F. I. TYUTCHEV'S NEW YEAR'S VERSES

Aleksey V. Petrov

Doctor of Philology, Professor,
Department of Linguistics and Literary Studies,
Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

In the article by means of comparative and intertextual methods, and also a method of historical poetics communication between three New Year's poems of the great Russian romantic poet F. I. Tyutchev and traditions of the Russian poetry of the XVIII century (G. R. Derzhavin, A. N. Radishchev, S. S. Bobrov) is revealed. The first New Year's poem

by Tyutchev «For the New Year 1816» is directly focused on literature of the previous century and is based on mixture of the «elevated poetry» generalities (sunrise, fatal urn, change of years, accusation of the grandee, etc.). The second poem «For the New Year 1855» belongs to Tyutchev's political poetry, incorporates historiosophical and visionary motives. The first correlate to the well-known historiosophical A. N. Radishchev's ode «18th century». The second respond to Bobrov's reading, reflecting as well Tyutchev's hobby for spiritualism. Using of emblematic imagery, characteristic of the XVIII century literature noteworthy (a cradle, a brow, an angel, a sword, scythe of death, etc.). Romantic «amendments» to the preromantic solution of future subjects and Destiny consist in refusal to glance behind «veil» of the Unknown. In the third New Year's poem – a quatrain «Happy New Year, with new happiness...» – Tyutchev carries on traditions of «gaming» poetry of literary (sentimental) salons of a boundary of the XVIII–XIX centuries. It is typical secular bagatelle – a touching congratulation to the woman (E. F. Tyutcheva) on behalf of the domestic pet – the dog by nickname Romp. In a New Year's impromptu typically sentimental values and topoi are pressed: devotion and love of relatives, sensitivity, family happiness.

Keywords: F. I. Tyutchev, The New Year (eonic) poetry, Traditions of literature of the XVIII century, Topoi, Historical poetics, Comparative studies, Occasional poetry

Поступила в редакцию 15.05.2019